

Это случилось солнечным июльским днём в пятницу, когда горожане, закончив рабочую неделю, спешат выбраться из города. В потоке машин ехал на отцовской «тойоте» Артём – молодой школьный учитель. Напряжённая езда утомила его, и он с облегчением вздохнул, свернув с шумного шоссе на грунтовую дорогу, проложенную через лес. Опустил боковое стекло и с наслаждением вдыхал лесной воздух с запахом хвои. Дорога знакомая, как-то раз он здесь бывал. Скоро должен быть поворот, а потом ещё километров пять до дачи, где его ждёт друг Гоша. Сегодня у Гошиной жены Вики день рождения, и он везёт ей подарок, а для всей компании ещё кое-что, повязывающее в сумке. Подарок находится рядом, на сиденье в корзинке, и тоже даёт о себе знать, мягкая время от времени. Это породистый котёнок, о котором Вика давно мечтает.

Гоша с Викторией женаты уже два года, и теперь их заботит судьба Артёма, который в свои двадцать шесть лет ещё не думает о женитьбе. А зачем ему женитьба? Он и так не обойдён женским вниманием. У него спортивная фигура, густые русые волосы и бойкая речь, от которой сразу млеет девичье сердце. Вчера Гоша сказал по телефону игривым голосом: «Вика пригласила подругу. Девушка что надо! И пока одинокая».

Конечно, всё это приятно волнует. И погода классная – под стать настроению. Вообще, день сегодня для Артёма знаменательный. Сегодня в здании областного правительства объявляли итоги конкурса на лучшего учителя математики и информатики. Артём занял первое место по области. Ему торжественно вручили грамоту, немалую денежную премию и подарок губернатора – швейцарские часы. Он снова и снова переживал волнующие минуты своего триумфа, вспоминал, как хвалила его презентацию начальник департамента образования. А как она поздравляла всех победителей конкурса: «Вы – наша надежда, вы – лучшие кадры нашей системы образования, лучшие из лучших!»

Он так увлёкся воспоминаниями, что не заметил поворота и проехал мимо. Когда машину стало потряхивать на неровностях, он переставил корзину с котёнком на пол и прижал к сумке с бутылками, чтобы не бренчали. Из-за этой возни он совершил ещё одну оплошность: не заметил дорожного знака «кирпич» и висящего под ним щита с устрашающей надписью: «Не въезжать! Обрыв!» Всё же он забеспокоился: «Что-то не видно поворота». Проехав ещё минут пять, он увидел впереди крутой подъём. «И такого подъёма не помню. Ладно, сейчас поднимусь повыше и буду звонить Гоше». Он прибавил газу, машина взлетела на горку, и тут произошло ужасное. По плавной траектории, как пикирующий самолёт, автомобиль полетел в глубокий котлован.

– Конеч! – мелькнуло в голове Артёма. Он механически рванул дверь, машину перевернуло, он выпал из неё и продолжал падать, охваченный ужасом. Раздался грохот. «Машина взорвалась. Сейчас конец! Удар и конец!» – стучало в голове. Но падение продолжалось. Почему-то вокруг наступила полная темнота. «Куда же я падаю?» – эта мысль была последней, после чего сознание его померкло.

Сначала он услышал голоса. Потом кто-то прикоснулся к его лбу, потрогал за шею, и он стал отчётливо различать два мужских голоса.

– Тёплый. Живой, значит. Откудава хоть такой взялся?

– По одежде-то, как француз какой.

– Не, у него крест православный на шее.

– С городу он. Там теперича всяко одеваются. Видать, упился до беспамятства.

– Наверяд ли. Не чую я, чтоб вином несло. Тут чего-то иное.

Артём открыл глаза и сквозь мутную пелену увидел двух бородатых мужиков.

– Очнулся, видно. – Мужик наклонился над Артёмом. – Как звать-то тебя? И откудава ты будешь?

Артём попытался ответить, но получился шёпот. Он ещё и ещё раз повторял своё имя, пока, наконец, не получилось громко:

– Артём меня зовут. Из города я ехал. Авария произошла, с высоты свалился в овраг.

Мужик закивал:

– Русский, значит, хоть и бает иначе... А оврагов здесь никаких нету.

Потом хитро прищурился:

– А ты, случаем, не из энтих будешь? Ну, как их там кличут? Что по сёлам шатаются да народ мутят, супротив царя да властей подговаривают.

– Нет, я учитель, в школе работаю. А машину мою вы не видели? Разбилась она, где-то недалеко должна валяться.

Мужики переглянулись. Один покрутил пальцем у виска и сердито сказал:

– Машина паровая далёко отсюда ходит. Станция у нас тама, на Боровой. А что разбилась она – не слышали такого... Ты подняться-то сам можешь?

Артём стал медленно вставать. Поднялся на ноги и обнаружил, что руки-ноги целы и нигде ничего не болит. Он помахал руками, сделал два шага вперёд и засмеялся:

– Цел и невредим, а ведь с такой высоты летел!

Он осмотрелся, пытаясь увидеть злосчастный обрыв, но вокруг был кустарник, а дальше тянулся выкошенный луг.

– Паспорт-то у тебя есть? Или документ какой? – спросил тот, кто был старше.

Артём похлопал по карманам рубашки, по джинсам и вспомнил, что водительское удостоверение, бумажник с деньгами и смартфон остались в куртке, которую он бросил на заднее сиденье.

– Нет, всё в машине осталось.

– Его, батя, надо к уряднику везти – сказал младший.

– Погоди, Васёк. Без документов его урядник сразу в кутузку определит. – Старший повернулся к Артёму:

– Пойдем с нами.

Артём шёл за мужиками в раздумье: «Что за чепуха такая?! Царя поминали, теперь урядника. Одеты по-старинному. Наверное, здесь кино снимают историческое и актёры входят в роль... Нет, не похожи они на актёров, так натурально не сыграешь». Артём догнал старшего.

– Скажите, сейчас какой год?

– Чего, чего?

– Ну, год какой? От рождества Христова?

– Как какой? Одна тысяча девятьсот третий. Вот времечко-то как бежит... Ну чего встал, как столб? Не бойся, не поведём тебя к уряднику. К нам домой пойдём.

«Мистика, бред какой-то, – думал Артём. – Путешествие в прошлое невозможно. Сама эта идея приводит к нелепости. Допустим, я оказался в том месте, где мои родители должны познакомиться, и я помешаю их встрече. Значит, я должен моментально исчезнуть, будто меня никогда не было в мире. Логический абсурд. В будущее – да. Теория относительности допускает, поскольку есть эффект замедления времени при больших скоростях. А в прошлое – нет. Это только у фантастов или в сказках... Но ведь я цел остался, это тоже чудо, как в сказке».

Подшли к огромному возу сена с запряжённой в него лошадьё. Младший отвязал лошадь от дерева, хлестнул вожжами, и воз со скрипом тронулся.

Вскоре добрались до деревни и двинулись вслед за возом по широкой улице. Артём крутил голо-

вой, оглядывая доселе невиданные им строения. Две женщины в белых платках стояли у дороги. До Артёма донеслось:

– Видать, к Петру сродник приехал с города. Молодой ещё, безбородый.

– Ботиночки-то у него хороши, а портки-то, гляди, узенькие да облезлые. Видно, ползал где-то.

Появились мальчишки. Шли следом, смеялись:

– Француз, француз!

Хозяйка, жена Петра, тоже сначала с удивлением рассматривала нежданного гостя. Потом повела его в дом и посадила ужинать вместе со всеми. За большим столом, кроме Петра и его сына Василия, сидели две девушки, видно, дочери Петра. Хозяйка и ещё одна женщина, жена Василия, подавали на стол. Глава семейства сразу объявил для всех:

– Гостя нашего Артёмом зовут. Беда с ним случилась – не помнит ничего. Примем странника Христа ради. Пусть поживёт у нас, глядишь, опамятуется, тогда и видно будет, куда его направить.

– Может, избили его да ограбили? – сказала хозяйка, с жалостью глядя на Артёма. Пётр возразил:

– Когда б ограбили, то часы бы забрали. Вещь-то дорогая. – Он показал на запястье Артёма, где из-под манжеты рубашки золотом поблёскивал браслет. Артём уже заметил, что часы вполне исправны и даже успел поставить на них такое же время, как на ходиках, висящих на стене.

Ели оладьи с творогом и сметаной, запивали молоком. Всё было так вкусно, что Артём с трудом сдерживал себя, чтобы есть неторопливо, как сидящие за столом хозяева.

– Значит, так, – заговорил Пётр, – завтра мы с Василием едем в Ерёмينو. Купить надо кое-что по плотницкой части. А ты, Артём, ежели согласен, езжай с нами. Продашь свои часы да купишь что из одежды. Чтоб вид был, как у людей.

Раздалось шлёпанье босых ножек, в комнату вбежали дети: мальчик и две девочки. Одна из девочек прижимала к груди котёнка.

– Бабушка, гляди! Все смотрите, кого мы нашли! В нашем покосе под кустом сидел.

Хозяйка заохала:

– Ой, какой пушистый! Маша, налей ему молочка.

Артём задумался: «Вот ведь как устроена эта труба времени: пропускает только живые существа». Он уже собирался сказать, что это его котёнок, но вовремя остановился. Начнёшь объяснять, что этот красавчик ехал с ним в автомобиле, и опять увидишь, как крутят пальцем у виска...

Спать ложились рано, как только стемнело. Перед сном все стали на молитву, и Артём скромно пристроился позади. Растроганный, он оглядывал большое семейство: «Удивительные люди: меня, чужого человека, подобрали и приютили».

Постелили ему на большой лавке у окна. Он лёг и почти сразу провалился в глубокий сон. Снился кошмар: он летит и летит в чёрную бездонную пропасть, и конца-краю этому полёту не видно. Проснулся весь в поту и не сразу понял, где он находится. Лунный свет лился в окно, ярко белела огромная печь, в чёрном её зеве виднелись горшки. От матраца, на котором он лежал, шёл одуряющий запах свежего сена. Значит, всё это действительно случилось: он в деревне, в начале двадцатого века.

«Что теперь делать? Никому не расскажешь, что пришёл из другой цивилизации – засмеют. Но у меня большое преимущество: я знаю много такого, что здешним жителям и не снилось. Хорошо бы добраться до города, найти там учёных, инженеров, сообщить кое-какие неведомые им идеи. Обрадуются, будут на руках носить, провозгласят гением... Вот только что я могу рассказать? Конечно, о важных открытиях двадцатого века. Открыто атомное строение вещества и строение самого атома: ядро и электроны. Научились использовать ядерную энергию. Правда, подробностей я не знаю. Изучали, но как-то не запомнилось. Больше интересовался спортивными новостями, особенно футболом. Тут я помню всё: и какая команда как сыграла, и полсотни игроков могу назвать с их биографиями... Ну, хорошо, а если рассказывать о достижениях техники, например, об автомобилях? Но ведь я понятия не имею, как устроен автомобильный двигатель. Об электроэнергии? Начисто забыл, как устроен генератор электрического тока. Ну а телефон, радио, телевидение – здесь я вообще полный профан. О компьютере нечего и говорить. Нет, конечно, архитектуру компьютера я знаю и в операционной системе разбираюсь, но как его сделать – не знаю. В общем, не научный доклад получится, а сказка про волшебное царство, где ездит телега без лошади, летает ковёр-самолёт, а чудо-зеркало показывает далёкие страны... Ну что же, придётся приспособливаться к здешней жизни, у меня ведь тоже есть крестьянские корни: прадед был крестьянином».

С утра Василий запряг в пролётку жеребца, и поехали в Ерёмино – главное село волости. Там в лавке выменяли часы на штаны и рубашку с поясом. «Хорошо хоть завод у часов механический, а то бы обман получился», – подумал Артём.

Вещи ему понравились: суконные, добротные. Ещё и сдачи получил два рубля, но на кафтан не хватило.

– Ничего, – сказал Пётр, – к осени заработаешь и на кафтан, и на сапоги.

Когда вернулись, затопили баню. Артём помогал Василию – носил воду из колодца. Потом все по очереди мылись, и субботний день пролетел незаметно...

В воскресенье всей семьёй пошли в деревенскую церковь. Небольшой деревянный храм был полон, особенно левая его часть, где стояли женщины с детьми. Артём не был верующим, но, уступая уговорам матери, носил крест, а иногда бывал в церкви. Он заметил, что и внутренность здешнего храма, и одежда священника, и молитвы, и пение хора – всё было таким же, как в той прежней жизни. Только поминали о здравии не патриарха, а священный синод и ещё императора Николая Александровича и его семью.

Пришли из церкви, позавтракали. Женщины пошли по ягоды, остальные тоже куда-то разошлись. Артём томился. Ему, привыкшему к городской квартире и благоустроенной даче, всё вокруг казалось чуждым, неудобным. Пришлось отказаться даже от простейших удовольствий – кофе или крепкого чая, которые он привык пить несколько раз в день. Вместо этого ему предлагали молоко, или квас, или простую воду из колодца. Но больше всего он страдал из-за отсутствия привычного с детства Интернета. Кажется, он что угодно отдал бы сейчас, чтобы зайти в «ВКонтакте», обменяться новостями с друзьями, посмотреть фотки, побродить по Интернету. Он не знал, куда себя деть. Послонулся по двору, заглянул в конюшню, посмотрел на стоящих там двух лошадей, но подойти побоялся. Зашёл на сеновал, бросился на сено и долго валялся там, со стонами ворочаясь с боку на бок и еле сдерживаясь, чтобы не завывать во весь голос. Может быть, запах свежего сена одурманил его, но он постепенно успокоился и заснул.

Вечером Артём и Василий сидели у дома на скамейке, ели яблоки и беседовали. Артём интересовался:

– Я видел у вас полку с книгами, да и книги хороши – про путешествия, про древние времена. А кто у вас читает?

– У нас Ольга, сестра моя, до книг охочая. Бывает, и ночами керосин жжёт. Мать тоже любит читать, всё больше про угодников Божиих.

– А в какой школе вы учились?

– В церковно-приходской, трёхклассной, что в Ерёмино. Там мы все и учились.

– А кто вас учил?

– Тамошний поп, отец Фёдор. А теперь там его сын – отец Михаил.

– А гимназия где-нибудь есть?

– Гимназия и реальное училище – это всё в губернии, от нас далеко. А у нас, ежели кто из крестьянского сословия захочет дальше учиться, идут в уездное училище – это в Сытове, нашем уездном городе. Там шесть лет учатся. А кто выучится, может в чиновники выйти или на другую какую службу. Вот брат мой старший – Андрюха – выучился и нынче становым приставом служит в Сытове. А по мне, так лучше крестьянская жизнь. Конечно, в трудах и заботах, зато сам себе хозяин.

Из дома выскочили две сестры Василия. С длинными косами, нарядно одетые в цветастые сарафаны и красные платочки, они покрутились у ворот, похихикали и бойко потрусили по дорожке в сторону реки.

– Девки на гулянье побежали, – объяснил Василий. – По воскресеньям у нас молодые гуляют: хороводы водят, частушки поют под гармошку. И ты, Артём, можешь пойти. А мне, женатому, – ни к чему, я своё отгулял.

Артёму очень хотелось побежать вслед за девушками, но он боялся здешних парней. Сегодня, когда шли из церкви, встретила весёлая компания. Смотрели на него как-то не по-доброму.

– Нет, – сказал он Василию, – я лучше почитаю. Видел у вас журналы «Нива» – интересные, с картинками.

Утром собирались на работу. Василий выдал Артёму рабочую одежду – порты, рубаху, кепку – всё поношенное, но чисто выстиранное. Даже сапоги нашлись ему по ноге.

– Последние два стога сложим, и конец сенокосу. Нынешним летом, слава богу, повезло с погодой.

Пошли деревенской улицей: впереди Василий на телеге, нагруженной вилами, граблями и прочим инвентарём, за ним его жена и сёстры, позади всех Артём. Женщины одеты в длинные до пят холщовые рубахи, волосы убраны под платки. Идут быстро, малыми шажками, стройные, как молодые ёлочки... «У нас женщины ходят по другому, – вспомнилось Артёму. – В штанах, широким мужским шагом в раскачку».

На том же углу опять стояли две бабы, и опять Артём слышал их слова:

– Убогого приютили, теперича в батраках у них.

«Ничего, – успокаивал он себя. – Найду работу такую, что станут уважать. Учителем буду, здесь они тоже нужны».

На лугу он грёб сено вместе с женщинами. Грабли он держал в руках впервые, приноровился не сразу. Зато когда стали сносить сено в стога, он показал свою мужскую силу: брал на вилы большую копну, быстро нёс к стогу и подавал наверх Василию. Видел, что девушки посматривают на него с интересом.

Ещё не закончили класть первый стог, а он уже выдохся. Был весь в поту от работы и от жаркого солнца. Заболело сердце, чего с ним раньше не бывало. Шатаясь, пошёл к кусту, где была тень, и лёг плашмя. Подошла Ольга с бутылкой воды.

– Выпей водички и полежи, отдохни. Никто тебя не гонит. Что поделаешь, непривычный ты ещё.

Когда отпустило сердце, он снова вышел на поле, но прежней резвости не было. Носил сено не спеша, приспособливаясь к ритму этой дружной семьи.

Закончив работу, пошли к реке купаться. Девушки подались в сторону к прибрежным кустам, где издавна была заведена женская купальня. Василий, смеясь, говорил Артёму:

– Мы мальчишками туда бегали подсматривать.

Артём был хорошим пловцом, имел спортивный разряд по плаванию. Он с наслаждением бросился в воду, заплыл далеко, но на берег вернулся первым. Показывать класс плавания было некому...

На другой день Артёма повели осваивать плотницкое дело: начали строить дом для семьи Василия. Сначала всё шло ладно: таскали брёвна, заготовленные ещё зимой, распиливали их по мерке. Потом Василий с отцом стали окорять брёвна, а Артём, глядя на них, тоже взял топор и попробовал делать так же, как они. Возился он не долго: топор скользнул по бревну и ударил его по ноге пониже колена. Хорошо, что прочное голенище не пропустило лезвие.

– Вот безрукий! Видно, досель топора в руках не держал! – рассердился Пётр.

Артём молчал. Стыдно было признаться, что это правда. Да и молоток он брал в руки лишь раз в жизни – колоть орехи. Он снял сапог, осмотрел ногу.

– Нету раны, синяк только.

Пётр не унимался:

– Видно, ты из барского сословия. Иди-ка домой от греха.

– Я учитель математики, – крикнул в ответ Артём. Потом, уже тихо, со слезой в голосе добавил: – Устройте меня в уездное училище. Я в долгу не останусь...

Он шёл к дому, хромая. В сенях снял сапоги, вошёл в горницу, сел на лавку и стал рассматривать больную ногу. Вдруг появилась Ольга.

– А я сижу в телятнике, слышу, кто-то зашёл. Бабы-то все ушли лён стлать, на меня хозяйство оставили. Ой, что это у тебя с ногой? – она увидела красно-фиолетовый расплывшийся синяк. Он не стал описывать подробности:

– Да вот, ушибся. Плотник из меня никудышный.

– Погоди, надо перевязать.

Она ушла, вскоре вернулась с корзинкой, села с ним рядом, закинула пышную косу за спину и занялась лечением. Протёрла синяк мокрой тряпочкой, положила на него тёртой картошки и перевязала ногу длинным куском льняной ткани. Артём смотрел на милое разволнованное личико, на часто вздымающуюся грудь и чувствовал, что в душе у неё не только жалость к больному, но и нечто более глубокое. Уж в этом-то он разбирался.

– Спасибо, Оленька. У меня сразу боль утихла. – Он положил свою ладонь на её руку. Она вздрогнула, покраснела, но руку убирать не спешила. Уже застучали их сердца в одном ритме, уже потянуло их друг к другу, но тут он опомнился. «Кто я такой, чтобы заводить тут романы? Хозяева узнают – выгонят в шею. И так живу тут на птичьих правах. Приблудный, без роду, без племени и к тому же безрукий, как говорит Пётр». Он резко встал и, оставив девушку в недоумении и обиде, вышел на двор и уселся на скамейку.

* * *

В воскресенье отстояли литургию, плотно позавтракали и поехали в уездный город Сытов. Везли на продажу домотканые холсты и собирались закупить городского товару. Дорога не близкая – пятнадцать вёрст. Тряска изматывала Артёма, он слезал с телеги и спортивным шагом шёл следом. Подтрунивал сам над собой: «Давай, пришелец из будущего, научи здешних людей асфальтировать дороги. Что, не знаешь, как делают асфальт? Тогда привыкай к тряске...»

На городском рынке Артём с Василием остались торговать, а Пётр пошёл навестить старшего сына. Вернулся он часа через три, с довольным видом и под хмельком.

– Везёт тебе, Артём. Мы с Андреем ходили к инспектору училища, он говорит – учителя очень нужны. Пусть, говорит, ваш парень приходит, хоть сейчас. Побалакаю с ним, и решим. А ещё, – Пётр посмотрел по сторонам и зашептал: – Андрюха обещал документ тебе справить. Вот так-то, знай наших!..

Артём шёл к дому инспектора по главной улице города. Шагал по добротному сколоченному тротуару вдоль мощённой булыжником мостовой. Проходил мимо парка, где играл духовой оркестр и куда направлялись нарядно одетые парочки. Остановился у витрины магазина с вывеской «Ильин. Шляпы», посмотрел на себя в зеркало и остался доволен. Главное, что борода, которую он вчера подравнивал овечьими ножницами, смотрелась на нём неплохо.

Встречные прохожие удивляли его. Не одеждой, нет – к здешней одежде он уже привык, – а своими лицами. Было на них выражение спокойствия, доброжелательности и ещё чего-то, что сильно отличало здешних жителей от его современников, озабоченных и вечно куда-то спешащих.

«Какая спокойная, мирная жизнь, – думал он. – А ведь их ждёт революция, потом страшная гражданская война, большевистский террор. Нельзя ли это как-то предотвратить?» Артём слышал однажды по телевизору, что, не будь Первой мировой войны, не было бы и революции. А из-за чего началась эта война? Кажется, в Сербии застрелили какого-то австрийского герцога, и тогда Австрия объявила Сербии войну. А Россия вступилась за православный народ. А что если поехать туда и не допустить этого убийства? Он представил себе, как выбивает револьвер из рук наёмного убийцы, как герцог взволнованно жмёт ему руку, не подозревая, что спасён не только он один, а полмира спасено от страшных катастроф. Только вот в какое место надо ехать и когда – этого он не знал. Историю он изучал плохо.

Он свернул за угол, как ему объяснял Пётр, и увидел кирпичный дом. «Вот сюда мне и надо», – подумал он. Волнуясь, как студент перед экзаменом, он подёргал за висящий у двери шнурок. Открыла горничная, провела его в комнату, где его встретил бодрый старичок в домашнем халате.

– Меня зовут Артём. Я к вам насчёт места учителя в уездном училище.

– Знаю, знаю, вы закончили курс в учительской семинарии, – зачастил хозяин. – Нам очень нужен учитель математики. Нас теперь преобразовали, программу расширили, мы теперь называемся «городское училище». Садитесь за стол. Сейчас мы проведём небольшие приёмные испытания.

Он достал из книжного шкафа тонкую книжку, сел в кресло и стал листать её с карандашом в руках. Потом подошёл к столу.

– Я выбрал четыре задачи. Видите, галочками отметил. Решайте. Вот вам бумага, письменный прибор. Как закончите, зовите меня. Я буду здесь, в соседней комнате.

Артём с недоумением посмотрел на чернильницу, ручку с большим железным пером, баночку с песком. Взял из стаканчика карандаш и стал читать условие задачи: «Три купца взяли ссуду в банке на общую сумму две тысячи рублей. Первый взял на пятьдесят процентов больше второго, а третий – в три раза больше, чем первый и второй вместе. Сколько денег взял каждый купец?» Эту задачу он решил быстро, составив простое уравнение. Только делить числа пришлось углом, что он, привыкший к калькулятору, делал с трудом.

Вторая задача – про двух пахарей – казалась очень простой. Он лихо написал решение, но потом заподозрил, что здесь какой-то подвох. Долго сидел в раздумье, но ничего не придумал. Тре-

тъя задача формулировалась просто: «Доказать теорему Пифагора». Рука автоматически потянулась к карману, где он привык носить смартфон, подключённый к Интернету. Но не было ни кармана, ни смартфона. А ведь недавно он излагал эту тему восьмиклассникам: скопировал урок в Интернете и показывал детям на экране рисунки с соответствующими пояснениями.

Он изрисовал треугольниками несколько листов, пытаясь вспомнить эти рассуждения, но ум его, избалованный Интернетом, не способен был рассуждать самостоятельно. За четвертую задачу, где речь шла о шестигранной пирамиде, он даже браться не стал...

– Провалил, значит, испытания, – говорил Василий, погоняя лошадь. Уже вечерело, а они только выехали из города. – Куда же мы, батя, его определим?

Пётр молчал. Артём сидел подавленный. Печальные мысли шли в голову. Что-то не так у нас с образованием. Он, лучший учитель области, оказался непригодным для уездного училища столетней давности. Душа его страдала, будто с высокого постамента его уронили в грязь.

– Так и не вспомнил, откуда ты родом? – нарушил молчание Пётр. Артём молча помотал головой.

– У нас, у крестьян, ведь как – с детства всему учимся. И пахать, и сеять, и дом построить, и за скотиной ухаживать, и за лошадьми. А многие мужики ещё и лапти плетут, и валенки катают, и печи кладут, и лодки делают, и всякую утварь. А ты у нас – как барчук беспомощный – ничего не умеешь.

Артём перевернулся на живот, уткнулся в мешковину и всхлипнул. Пётр сменил тон:

– Ну да ладно, не горюй. Придумаем что-нибудь.

* * *

Его определили в подпаски. Он вставал чуть свет, завтракал вместе с хозяйкой, брал в руки кнут, узелок с едой и выходил к стаду коров, которых пастух гнал по улице. А что делать, другой работы для него не нашлось в этом крестьянском мире. Идти куда-нибудь в город – ему, бездомному и беспаспортному – было бессмысленно. Как страдало поначалу его горделивое сердце, когда он, перешагивая через коровьи лепёшки, плёлся за стадом.

Как-то он сидел на крутом берегу реки и сверху смотрел, как коровы, за день измученные жарой и оводами, с мычанием заходят в воду. Пастух, сам решивший окунуться, крикнул из воды:

– Пушай с полчаса помокнут, а потом погоним в деревню.

Артём не видел, что сзади к нему приближается, ускоряя шаг, молодой бычок, отставший от стада. В последний момент он услышал топот и обернулся, но было поздно. Не по годам резвое животное с разгону толкнуло его в плечо своим ещё безрогим лбом, и Артём полетел с обрыва в реку. Очутившись под водой, он сразу заработал руками, но, к своему ужасу, обнаружил, что вокруг пустота и что он летит в абсолютной темноте куда-то, как ему казалось, вверх.

* * *

Его случайно нашли рабочие на дне котлована. Он лежал далеко от своего разбитого автомобиля, лежал живой, но без сознания. В больнице его привели в чувство, но вставать не разрешили. Он сообщил телефон родителей, им позвонили, и отец тут же приехал. Мать не смогла – лежала с высоким давлением. Артём долго рассказывал отцу о своём путешествии в прошлое, а тот по его просьбе записывал всё на диктофон. Его бодрая речь успокоила отца, и всё-таки он пошёл поговорить с лечащим врачом.

– Как вы считаете, мой сын в здравом уме? Дело в том, что он рассказал какую-то странную, невероятную историю о своих похождениях.

– Вы знаете, травматический шок обычно влияет на психику, но я у него никаких психических отклонений не заметил. Знаете, что меня удивило? Его одежда. И рубашка и штаны у него были из какой-то очень грубой ткани и сшиты как-то странно, как бы самодельно.

– А где эта одежда? Можно посмотреть?

– Видите ли, когда его передевали, эту одежду сдали на сжигание. Мы ведь думали, что нам бомжа привезли.

Отец вернулся в палату в задумчивости. Он пересказал Артёму разговор с врачом и, утешая его, добавил:

– Это там, в том мире, ты был бомжом, ни на что не годным, а здесь ты успешный, востребованный специалист, один из лучших учителей.

Артём лежал, грустно глядя в потолок.